

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА РУСАНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3451-6892; rusanowa_7@mail.ru

КНИЖНО-СЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

А н н о т а ц и я . Статья посвящена проблеме «славянизации» деловой письменной речи как ключевого процесса в период формирования делового языка нового типа. Рассматриваются малоизученные в лингвистическом отношении международные юридические документы второй половины XVII века, что обуславливает актуальность и новизну исследования, цель которого – выявить языковую специфику внешнеполитических актов указанного периода и определить их роль в дальнейшем преобразовании официально-делового языка. Установлено, что международные юридические документы занимали особое положение среди текстов, созданных стандартным и нестандартным приказным языком. Представляя собой официально-правовые документы, подобные акты должны были оформляться средствами стандартного приказного языка, однако в действительности обнаруживают нестандартные для них церковнославянские элементы. Сочетание приказных и книжно-славянских средств, связанных с коммуникативными и стилистическими установкам составителей, было характерным для юридических документов, обслуживающих международные отношения, но несвойственным в целом приказному языку указанного периода. Новизна статьи определяется также описанием и дифференциацией книжно-славянских элементов, использующихся в языке исследуемых документов, как этикетных, жанрово-стилистических и текстообразующих. Делается вывод о значимости обнаружения церковнославянских элементов в тематически и жанрово ограниченной группе официальных документов в пределах приказной традиции. Проведенный анализ позволяет уточнить пути появления книжно-славянских средств в официально-деловом языке Петровской эпохи и механизмы их адаптации в новом языковом пространстве государственной коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история русского литературного языка, приказный язык, международный юридический документ, книжно-славянские (церковнославянские) языковые средства

Д л я ц и т и р о в а н и я : Русанова С. В. Книжно-славянские элементы в языке международных юридических документов Московской Руси второй половины XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 109–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.774

ВВЕДЕНИЕ

Формирование в XVIII веке делового языка нового типа связано прежде всего с его оттачиванием от приказной традиции и втягиванием в зону влияния книжно-литературных норм. В новых условиях, когда

«литературность текста перестает связываться с признаками книжности и целиком определяется его культурными функциями», становится возможной «экстраполяция литературного языка нового типа на те сферы, которые первоначально были вне пределов его функционирования» [4: 122–123].

Разрушение традиционной обособленности, автономности функционирования делового языка донациональной эпохи и усвоение им норм литературного языка нового типа маркируется использованием примет церковнославянского

языка на разных языковых уровнях – фонетическом, словообразовательном, синтаксическом [7: 24]. Использование славянизмов в деловом языке XVIII столетия признается одним из ключевых отличий, противопоставляющих его приказному письменному узусу XVII века, в который «славянизмы не допускались» [8: 72].

В последние десятилетия функционирование книжно-славянских (церковнославянских) элементов в деловом языке XVIII века оказывается в центре внимания исследователей региональной деловой письменности¹ [1], [2], [8], [9], [10], [12]. Изучение особенностей употребления славянизмов в деловых текстах позволило разработать их классификацию: славянизмы как жанрово-стилистические средства, как средства канцелярского этикета, как средства высокого слога [8: 71–140].

Поставлен вопрос о дифференциации книжно-славянских элементов на собственно славянизмы и канцеляризмы [6: 62–63].

Накопленный и проанализированный материал позволяет увидеть неубедительность высказанных в разное время предположений о том, что функция показателей «канцелярского стиля» у ряда славянизмов обусловлена поэтикой классицизма [14] и даже распадом высокого стиля, под влиянием которого славянизмы как единая стилистическая категория перестают существовать, распадаясь на ряд новых (поэтизмы, историзмы, канцеляризмы и т. д.) [5: 193]. В то же время, несмотря на активное исследование процесса славянизации делового языка XVIII века, некоторые его аспекты еще недостаточно изучены. В частности, требует уточнения вопрос о путях появления церковнославянизмов в деловом языке Петровской эпохи.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Процесс славянизации делового языка, и в частности языка законодательных актов, активизировавшийся в Петровскую эпоху, в действительности имеет исторические корни. Книжно-славянские элементы начали спорадически проникать в деловые тексты уже в ранний древнерусский период, несмотря на разный культурный статус церковнославянского и делового языка, непересекающиеся сферы их функционирования, разное происхождение, коммуникативные установки и механизмы порождения книжных и деловых текстов. М. Л. Ремнева, исследующая характер грамматической нормы в текстах книжного и делового содержания, вслед за Л. П. Якубинским замечает, что

«влияние церковнославянского языка на язык деловой письменности является естественным, поскольку оно было частью более широкого процесса – культурного влияния его на русский язык в целом как языка церкви, имевшего большое значение в идеологической жизни общества, как книжного языка вообще» [11: 75].

Интересными представляются выводы М. Л. Ремневой о необходимости учитывать при определении причин и путей появления грамматических церковнославянизмов в текстах восточнославянской деловой письменности раннего периода факт существования большого корпуса текстов юридического и делового содержания, переведенных с греческого и написанных по-церковнославянски [11: 72, 103–104].

Среди примеров использования церковнославянских грамматических форм в восточнославянских деловых текстах XI–XIV веков приводятся формы аориста и имперфекта, употребление которых было нерегулярным, однако в отдельных случаях данные формы, по всей видимости, свя-

заны с определенной коммуникативной задачей. Как вариант типичных для делового письма условных союзов *аже, оже, аче, како* мог использоваться и даже быть более распространенным в списках разных редакций отдельных документов церковнославянский союз *аще* [11: 75–78, 81–86, 94]. М. Л. Ремнева заключает:

«Использование *аще* в деловой письменности – это результат влияния книжнославянской стихии, вследствие чего элемент нормы языка памятников высокой книжности становится элементом нормы языка деловой письменности и не осознается как элемент, чуждый системе языка письменности, ориентированной на живую восточнославянскую речь» [11: 87–88].

То есть, по сути, перед нами один из примеров адаптации книжно-славянского элемента как нормативного средства деловой письменности.

Особое место в истории русского языка занимает период конца XVI–XVII века, представляющий достаточно пеструю картину. С одной стороны, расширяются рамки «литературности»: в число литературных, наряду с «образцовыми» текстами, попадают произведения, в языке которых, по сути, реализуется норма деловой письменности с использованием церковнославянских элементов (хожения, Назиратель, Домострой и др.). С другой стороны, строгая книжная норма может реализовываться не только в собственно (канонической) житийной литературе, но и в повести, названной житием (Житие Иулиании Лазаревской). Кроме того, в этот период широко представлены образцы деловых текстов, отражающих появление приказного языка – языка документов, составленных профессиональными писцами, под пером которых происходило становление новых норм юридического языка, официально закрепленных в основном своде законов Московского государства – Уложении 1649 года и ставших общеобязательными при составлении любого рода документов [11: 304–307].

Актуальным является выделение исследователями двух разновидностей приказного языка XVII века: *стандартного приказного языка*, представленного в официальных документах, формализованных, хотя и относительно свободных в структурно-языковом отношении, и *нестандартного приказного языка*, «который рождался под пером профессиональных писцов как *отклонение от нормы* общеправового языка» [11: 286]². Причем отклонения от нормы стандартного языка могли быть в сторону либо церковнославянского, либо народно-разговорного языка в зависимости от семантической и стилистической нагрузки текста и лингвистической компетенции адресата. Именно нестандартный приказный язык отличался нивелировкой ярких

особенностей стандартного приказного языка, взаимодействием приказных и церковнославянских языковых элементов, свободным, контролируемым переключением кодов³. В качестве ярких образцов такого нестандартного приказного языка называются стихотворные произведения и переписка дьяка Сибирского и Посольского приказов Третьяка Васильева, автобиографическое жизнеописание подьячего Посольского приказа Василия Даудова (по происхождению армянина из Персии, настоящее имя которого Алимарцан Бабаев), тетрадки подьячего Артиллерийского приказа Илариона Докунина и перевод политического трактата, выполненный подьячим Посольского приказа Василием Садовулиным.

Стандартный же приказный язык влияния церковнославянского языка не испытывает. Так, грамматическая норма Соборного уложения отражает традиционные черты делового языка: форма на -л как единственное средство передачи значения «действие (состояние) в прошлом», условные конструкции с союзом *а будет* и бессоюзные конструкции типа «*а (которые, кто, что и др.) + инфинитив*», временные конструкции с союзом *как*, целевые конструкции с союзом *чтобы*, форма инфинитива для передачи значения распоряжения, пожелания. Изредка встречающиеся церковнославянские фрагменты являются знаками концептуального, а не языкового влияния и представляют собой самостоятельные текстовые вставки [11: 292–295].

Особое место в ряду отмеченных выше двух разновидностей приказного языка XVII века занимал язык документов, обслуживающих сферу международных отношений. Наиболее известными и исследованными среди подобных документов являются статейные списки – отчеты русских послов о посольствах в иностранные государства, составленные в форме дневников [13]. О. В. Никитин, квалифицируя язык статейных списков как «дипломатический стиль», подчеркивает их подчиненность с идеологической точки зрения установкам Посольского приказа; культурное же пространство таких отчетов было значительно шире и разнообразнее «подьяческого наречия» и требовало иных ориентиров, другого оформления государственного слога⁴. Развиваются новые для делового языка формы повествовательно-художественного изложения, которые, однако, не вели к разрыву прочных традиционных связей делового языка с разговорным языком [3: 134–135], [13: 83]. Кроме информации, изложенной в живой, непринужденной дневниковой манере, в состав статейных списков входили официальные документы, связанные с посольством: грамоты государей, договоры, челобитные послов и т. д., обнаруживающие

обилие сложных синтаксических конструкций, церковнославянских и архаичных элементов, типичных канцелярских слов и выражений [13: 83]. Подобные международные юридические акты продолжают оставаться в лингвистическом отношении почти не изученными, в связи с чем заслуживают особого внимания.

В Полном собрании законов Российской империи с 1649 по 1675 год (период правления Алексея Михайловича) зафиксировано более 113 международных актов⁵, наиболее показательными среди которых являются договоры, договорные статьи и записи, «учиненные» российскими и шведскими, а также российскими и польскими послами, и жалованные грамоты, отличающиеся широким кругом адресатов.

Лингвостилистическая специфика исследованных международных документов Московской Руси второй половины XVII века с учетом вышеуказанных разновидностей приказного языка может быть обобщена следующим образом: по своему функциональному назначению они относятся к официальным документам, следовательно, в их оформлении должен использоваться стандартный приказный язык, однако в реальном языковом воплощении они обнаруживают нестандартные для него церковнославянские элементы, выполняющие роль жанрово-стилистических средств, маркеров высокого слога, особого дипломатического этикета. Следует отметить, что характер и количество церковнославянских элементов в исследуемых документах обусловлены их жанровой спецификой и содержанием. Так, например, в жалованных грамотах и шертных записях о принятии в российское подданство таких элементов немного, что определяется сложившейся письменной традицией в оформлении подобных документов. Важным представляется сам факт использования в ограниченной группе официально-деловых документов, созданных в рамках приказного делопроизводства, достаточно широкого спектра книжных средств – лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических.

Приведенные ниже книжно-славянские элементы встречаются в языке внешнеполитических документов на протяжении всей второй половины XVII века⁶. Однако в настоящем исследовании мы останавливаемся на документах правления Алексея Михайловича как наиболее ранних и благодаря этому более значимых в плане иллюстрации изучаемых аспектов.

Особенности функционирования в языке исследуемых международных актов книжно-славянских элементов позволяют дифференцировать последние как этикетные, жанрово-стилистические и текстообразующие. В первую

очередь обращает на себя внимание функционально-стилистическое переосмысление церковнославянских элементов как средств дипломатического этикета. Актуальными в этикетных формулах оказываются словообразовательные модели, в частности приставки *пре-* и *наи-* и суффиксы *-ейш-*, *-айш-*, с помощью которых образуются прилагательные в превосходной степени (*пресветлейший*, *наияснейший*, *милостивейший*). Подобные формы используются при наименовании титула правителя государства, с которым устанавливаются дипломатические отношения определенного уровня; набор таких эпитетов варьируется в зависимости от дипломатического пиетета и сложившихся традиций обращения к верховной персоне того или иного государства. Средством этикетной актуализации высшей степени признака в формуле обращения выступали и сложные прилагательные, имеющие в составе начальные *высоко-* и *велико-* (*высокопрестольнейший*), а также прилагательные, маркированные префиксом *не-* (*непобедимый*). Ср.⁷:

«за моего Милостивейшаго Государя, Пресветлейшаго Курфирста <...> Бранденбургскаго; къ Державнейшему Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу <...>» (ПСЗ 1830: I, № 191, 1656 г., с. 402–403); «<...> межъ Великими Монархи: Пресветлейшимъ и Великимъ Государемъ, Его Царскимъ Величествомъ, Божиею милостию, всея Великия и Малыя и Белья России <...> и межъ наияснейшимъ и Великимъ Государемъ Его Королевскимъ Величествомъ, Божиею милостию, Королемъ Польскимъ» (ПСЗ 1830: I, № 192, 1656 г., с. 405); «Восточнаго предела *высокопрестольнейшаго* места, *превысочайшия* и *прехвальныя* степени *великодержательную* власть древнихъ Великихъ Государей, Персидскихъ Царей приемшему и превознесенную честь, яко рогъ инорога достигшему и въ величестве чести превосходящему и многимъ Мусульманскимъ родомъ Повелителю, Персидскому и Ширванския земли начальнику, брату Нашему, Великому Государю Аббасъ Шахову Величеству» (ПСЗ 1830: I, № 319, 1661 г., с. 566); «Пресветлейшаго и Вельможнейшаго и непобедимаго Князя и Великаго Государя, Леопольдуса, Божиею милостию избраннаго Цесаря Римскаго ... Божиею милостию Пресветлейшаго и Вельможнейшаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Государя Алексея Михайловича...» (ПСЗ 1830: I, № 610, 1675 г., с. 1009–1010) и т. д.

Показательными в свете их дальнейшей значимости в официально-деловой коммуникации представляются и особые этикетные формы выражения вежливого требования или просьбы, актуализирующиеся в речи правителей по отношению друг к другу (*изволить*, *благоизволить*). Ср.:

«присылалъ <...> къ Его Царскому Величеству Пресветлейший Курфирстъ Бранденбургский и проч., мой милостивейший Государь, со своими грамотами меня, своего посла, просить, чтобъ Его Царское Величество меня пожаловать *изволить*» (ПСЗ 1830: I, № 191, 1656 г., с. 403); «его Курфирстское Пресветлейшество просить, чтобъ Пресветлейший Великий Государь, Его Царское Величе-

ство, съ нимъ обнадежно ссылаться *благоизволить*» (ПСЗ 1830: I, № 565, 1673 г., с. 950).

Жанрово-стилистическими средствами синтаксической организации текста выступают служебные слова, среди которых особое место занимают церковнославянские подчинительные союзы (*понеже*, *дабы*, *ежели*), использующиеся прежде всего в договорах, договорных статьях и записях – документах, составляющихся полномочными послами и юридически предваряющих официальные договоры между государствами. Так, союз *понеже* обычно употребляется в придаточном причины, занимающем инициальную позицию, например:

«*Понеже* въ здешнихъ дружныхъ, учиненныхъ разговорахъ съ обеихъ сторонъ добрая подвижность, которую превысокие наши всемилостивейшие Государи, Его Царское Величество и Его Королевское Величество къ прежней дружбе и надежности <...>, якожъ освидетельствовано есть; и по тому Ихъ обоихъ Великихъ Государей нашихъ изволенью <...>» (ПСЗ 1830: I, № 259, 1659 г., с. 490); «А *понеже* при семь дружномъ разъезде мы, Его Царскаго Величества, великие и полномочные послы, <...> потребуемъ; то Его Королевскаго Величества великие и полномочные послы къ первому впредь будущему съезду привести обещали» (ПСЗ 1830: I, № 267, 1659 г., с. 510); «А *понеже* предъ подтверждениемъ договоровъ Андрусовскихъ не удобно было Великимъ Государемъ нашимъ, съ обеихъ сторонъ, <...> по два человека, назначенныхъ съ обеихъ сторонъ, на рубежъ Коронный и Великаго Княжества Литовскаго посланы быть имеютъ» (ПСЗ 1830: I, № 420, 1667 г., с. 733) и т. д.

Для выражения цели, наряду с типичными для приказного языка конструкциями с союзом *чтобы*, используются придаточные предложения с союзом *дабы*:

«Также и о томъ Бога молитесь, *дабы* исполнилося Наше Царскаго Величества помышление надо всеми нашими неприятелями» (ПСЗ 1830: I, № 180, 1656 г., с. 383); «Чтобы <...> великие и полномочные послы съехались на назначенномъ для конференции месте, а именно, на Ервелайской границе <...> *дабы* въ силу Велиесарскаго перемирнаго договора производить взаимно всякия добрыя дела, и заключить вечный миръ между обоими Великими Государями и их Великими Государствами»; «<...> должно отдать на нашего Велеможнаго Государя, Его Королевскаго Величества и Великаго Государя, Его Царскаго Величества, добрую волю, *дабы* оба Государи, по ихъ благосклонности къ Християнскому благоденствию, согласились въ томъ, чего великие послы сами ради спешности, не могли привести въ вожденное окончание» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 527–528) и др.

Условные конструкции, помимо приказного союза *буде*, могут оформляться союзами *ежели* и *если*:

«И *ежели* Онъ Великий Государь Царь и Великий Князь Василий Ивановичъ, всея России Самодержецъ, Своихъ пословъ къ своему брату Максимилиану, избранному Римскому Цесарю <...> пошлетъ <...> такожь и къ нему <...> ездить свободно и невозбранно будетъ» (ПСЗ 1830: I, № 191, 1656, с. 403); «*Ежели* случится еще не-

что потребно для поспешествования сему Христианскому делу, то есть мирному договору, то оное по разъезде обоюдных великих и полномочных послов должно отдать на нашего Велеможнаго Государя, Его Королевскаго Величества и на Великаго Государя, Его Царскаго Величества, добрую волю» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 528); «А если продадутъ въ Астрахани большою ценою, какъ имъ годно, и со всея цены пошлинъ взять по десяти жъ денегъ съ рубля (ПСЗ 1830: I, № 409, 1667, с. 692).

Экспликация коммуникативно значимых смыслов также может осуществляться посредством нетипичных для приказной традиции лексико-грамматических средств. Так, актуализация принятого решения подчеркивается местоименно-предложными сочетаниями *сего ради*, *оного ради*, *того ради*:

«*того ради* мы <...> утвердили сие нашу клятвою» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 528); А оного ради крепкаго содержания, сия Государственная жалованная грамота имъ, Стефану и Григорью и по нихъ будучимъ наследникамъ дана, со всякою крепостию и утверждению (ПСЗ 1830: I, № 409, 1667, с. 695); *Сего ради* на очищение отъ Татаръ Украйны и еже привести непослушныхъ къ послушанию козаковъ и защищая Государство Коронное отъ наездовъ Татарскихъ, обещаетъ Его Царское Величество войска своего, се есть конницы пять тысячъ и пехоты двадцать тысячъ (ПСЗ 1830: I, № 420, 1667 г., с. 729).

Модальность долженствования передается императивной формулой «имеет / имеют + инфинитив»:

«и тогда ни сие учиненное письмо, ни настоящий договоръ и ни иное что учиненному Велисарскому перемирному договору къ противности и умалению *быть не имеетъ*» (ПСЗ 1830: I, № 259, 1659 г., с. 490); «и на обе стороны, во всякомъ слове и статье, безъ всякаго умаления, крепко и нерушимо *содержаны быть имеютъ*» (ПСЗ 1830: I, № 267, 1659 г., с. 509); «Такожъ сей нашъ разъездъ не инако быти и *разуметися быть имеетъ*, какъ во всякой дружбе къ дальнымъ дружнымъ съездамъ (ПСЗ 1830: I, № 267, 1659 г., с. 509); черезъ Дорогобужъ, и Вязьму и до столицы Его Царскаго Величества, по которымъ дорогамъ безопасно *имеетъ быть* проездъ людямъ посольскимъ (ПСЗ 1830: I, № 358, 1664 г., с. 589).

К стилистически маркированным средствам текстообразования, имеющим книжно-славянские корни, относятся сложные отглагольные прилагательные и причастия с начальным элементом *выше-* и причастные конструкции с наречным сочетанием *выше сего* в анафорически-выделительной функции:

«но и съ *вышеупомянутых* причинъ на время разъехались» (ПСЗ 1830: I, № 267, 1659 г., с. 509); «какъ *вышеупомянуто*» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 528); «а *вышеименованный* проездъ» (ПСЗ 1830: I, № 409, 1667, с. 694); «тежъ *вышеименованные* Бояре и Думные Дьяки» (ПСЗ 1830: I, № 420, 1667 г., с. 733); «и о томъ тебе, его Курфистова посланнику, *объявлено выше сего* подлинно въ первой статье. <...> И на сию статью ответъ тебе, его Курфиртскаго Пресветлейшества посланнику, *учинень пространно выше сего*» (ПСЗ 1830: I, № 565, 1673 г., с. 654).

Широко используются приемы и способы синтаксической компрессии структурных компонентов текста и номинализации глагольного сказуемого:

«А для лучшаго *содержания и крепости* сего учинения, сии записи написали, из которыхъ одна отъ насъ, Его Царскаго Величества великихъ и полномочныхъ пословъ, а другая отъ Королевскаго Величества великихъ и полномочныхъ пословъ другъ другу поданы» (ПСЗ 1830: I, № 259, 1759 г., 1659, с. 490); «того ради мы <...> утвердили сие нашу клятвою, на блаженство душъ нашихъ, на святомъ Христовомъ Евангелии, съ *приложениемъ* нашихъ рукъ <...> и разменили оную, для вѣщаго утверждения, съ Его Царскаго Величества депутатами <...> на уверительную их грамоту, дабы оныя <...> безъ всякаго *переменения* твердо и безпрестанно были исполняемы» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 528); «и по тому договору, *по отпуске* отъ Великаго Государя нашего <...> Его Королевскаго Величества великихъ и полномочныхъ пословъ» (ПСЗ 1830: I, № 565, 1673 г., с. 950) и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книжно-славянские элементы, обнаруженные в результате проведенного анализа документов, связанных с внешней политикой Московской Руси, свидетельствуют о кардинальном отличии в исследуемый период языкового оформления юридических документов, обслуживающих международные отношения, от оформления законодательных актов, предназначенных для внутригосударственного пользования. Выявленные особенности позволяют говорить о реализации в документах важной тенденции к взаимодействию приказных и церковнославянских языковых элементов, которая фиксируется учеными в нестандартных приказных текстах (переписка, политический трактат, автобиографическое описание и др.), принадлежащих перу наиболее образованных и одаренных представителей приказного сословия.

Несмотря на разную степень фиксации и функциональной мотивированности церковнославянских средств в текстах договоров, договорных статей, записей, жалованных грамот и др., значимым является сам факт их наличия в тематически и жанрово ограниченной группе официальных документов, отличающихся особыми коммуникативными и стилистическими установками составителей, в то время как вся остальная официально-деловая сфера обслуживалась стандартным приказным языком.

Безусловно, функционирование в международных актах второй половины XVII века несвойственных стандартному приказному языку славянизмов требует дальнейшего их изучения с учетом актуальной для создания подобных документов ситуации межкультурного контакта и специфики межкультурной коммуникации. Од-

нако проведенное исследование позволяет говорить о том, что пути появления в деловом языке Петровской эпохи церковнославянских средств, которые традиционно связываются с книжным языком, должны уточняться. И следовательно,

может быть расширен круг письменных источников, выступающих в качестве прецедентных в процессе «славянизации» и «олитературирования» деловой письменной речи первой трети XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кудрявцева Е. А. Элементы церковно-славянской традиции в деловой письменности начала XVIII века (на материале Туруханского Троицкого монастыря): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 173 с.
- ² См. также: Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 295 с.
- ³ Там же С. 259–267.
- ⁴ Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 15–16.
- ⁵ Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. Т. I, II. СПб.: В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ).
- ⁶ Сравните, например, такие международные акты, как «Договоръ, учиненный въ Москве съ Польскими послами» (ПСЗ 1830: II, № 730, 1678 г.) или «Ратификация Турецкаго Султана Магомета IV на мирный договоръ, заключенный 3 Генваря 1681 Российскими посланниками съ Крымскимъ Ханомъ» (ПСЗ 1830: II, № 916, 1682 г.).
- ⁷ Курсив в цитируемых документах XVII века мой. Графика приводится в соответствии с современной кириллицей. Буквы ъ и і последовательно заменены буквами е и и. Пунктуация источников сохраняется. Ниже предлагается расшифровка нумерации цитируемых международных документов второй половины XVII века из ПСЗ:
 № 180. Грамота Молдавскому Воеводе Владетелю Стефану на принятие его со всею Молдавскою землею в подданство России; № 191. Договор между Российским и Брандербургским послами; № 192. Договорные статьи с польским правительством; № 259. Запись, учиненная на съезде в Тормсдорфе на реке Двине, между полномочными российскими и шведскими послами; № 267. Запись, учиненная на границе в Святогорской деревне, между полномочными послами, с Российской стороны Воеводою Нашокиным, с товарищи, а с Шведской, Бенкт Горном и прочими; № 292. Запись, учиненная на съезде при Ервелейской границе, между Дворянами Российскаго и Шведскаго посольства; № 319. Грамота персидскому шаху Аббасу II; № 358. Запись, учиненная в деревне Шейнове с польскими послами; № 409. Жалованная грамота Армянской компании на привоз в Россию шелка и сырца; № 420. Договор, учиненный в Москве между Российскими и Польскими послами; № 565. Статьи ответные, данные из Посольского приказа Бранденбургскому в Москве посланнику Иоахиму Скультету; № 610. Запись, учиненная Российским и Цесарским Дворами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторова Н. В. Наблюдения над книжно-славянскими и разговорными элементами в эпистолярных деловых текстах XVIII в. // Становление грамматического и лексикофразеологического строя русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. Магнитогорск, 1992. С. 39–44.
2. Выхристюк М. В. О языковых критериях книжности и разговорности в исторической русистике // Проблемы истории и филологии: Межвуз. сб. науч. тр. Тобольск, 2001. С. 130–132.
3. Горшков А. И. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1969. 366 с.
4. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
5. Замкова В. В. Славянизмы как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века. Л.: Наука, 1975. 224 с.
6. Кудрявцева Е. А. Деловое письмо и книжная традиция: черты преемственности // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филология. 2007. № 43. С. 62–64.
7. Майоров А. П. Книжно-славянские элементы разного уровня в деловом языке XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2018. № 2. Т. 4. С. 24–32. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-24-32
8. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2006. 263 с.
9. Майоров А. П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. № 4. С. 29–37.
10. Преферансов С. А. Книжная и разговорная лексика в документах Царицынского городского магистрата (1784–1799 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2011. № 1 (13). С. 58–64.
11. Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 336 с.
12. Русанова С. В. Глагол *благоволить* в региональном тексте промемории XVIII века и в словаре (на материале забайкальской деловой письменности) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 188–189.

13. Сабенина А. М. Статейные списки и их значение для истории русского языка // Русский язык. Источники для его изучения. М.: Наука, 1971. С. 59–84.
14. Семенов П. А. Проблема классификации стилистических функций славянизмов (диахронический аспект) // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 1998. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf> (дата обращения 30.01.2022)

Поступила в редакцию 21.02.2022; принята к публикации 28.04.2022

Original article

Svetlana V. Rusanova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-3451-6892; rusanowa_7@mail.ru

SLAVONIC WRITTEN LANGUAGE ELEMENTS IN THE MUSCOVY INTERNATIONAL LEGAL DOCUMENTS OF THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

Abstract. The article deals with the “Slavicisation” of business writing as a key process during the development of a new type of business language. The focus is on the international legal documents of the second half of the XVII century which have been understudied by linguists. This determines the urgency and novelty of the study aimed at revealing the linguistic specifics in the international legal documents of the specified period. Besides, the study determines their role in the further transformation of the official business language. The article has discovered that international legal documents had a special position among the texts created in the standard and non-standard mandative language. Representing official legal documents, such acts had to be drawn up by means of the standard mandative language. However, in reality they contain some Church Slavonic elements which are not standard for such texts. The combination of mandative and Church Slavonic means associated with the communicative and stylistic attitudes of the drafters was characteristic of the international legal documents, but not the mandative language of the specified period in general. The research describes the Church Slavonic elements used in the language of the documents under study and also subdivides these elements into the etiquette, stylistic and text-forming types. The study also affirms the significance of discovering Church Slavonic elements in a thematically and genre-limited group of official documents within the mandative tradition. The conducted analysis helps to clarify how Church Slavonic means occurred in the official business language of the Petrine period and trace the mechanisms of their adaptation in the new linguistic space of state communication.

Key words: history of Russian literary language, mandative language, international legal document, Slavonic written language (Church Slavonic) means

For citation: Rusanova, S. V. Slavonic written language elements in the Muscovy international legal documents of the second half of the XVII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):109–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.774

REFERENCES

1. Viktorova, N. V. Observations on Slavic bookish and colloquial elements in epistolary business texts of the XVIII century. *Formation of the grammatical and lexico-phraseological system of the Russian language*. Magnitogorsk, 1992. P. 39–44. (In Russ.)
2. Vykhristyuk, M. V. The linguistic criteria of bookish and colloquial language in historical Russian philology. *Issues of history and philology*. Tobolsk, 2001. P. 130–132. (In Russ.)
3. Gorshkov, A. I. History of the Russian literary language. Moscow, 1969. 366 p. (In Russ.)
4. Zhivov, V. M. Language and culture in Russia of the XVIII century. Moscow, 1996. 591 p. (In Russ.)
5. Zamkova, V. V. Slavicisms as a stylistic category in the Russian literary language of the XVIII century. Leningrad, 1975. 224 p. (In Russ.)
6. Kudryavtseva, E. A. Business writing and book tradition: traits of continuity. *Vestnik NSU. Philology*. 2007;43:62–64. (In Russ.)
7. Maiorov, A. P. Slavic written language elements of different levels in business language of the 18th century. *The Buryat State University Bulletin. Philosophy*. 2018;2(4):24–32. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-24-32 (In Russ.)
8. Maiorov, A. P. Essays on the vocabulary of regional formal documents of the XVIII century. Moscow, 2006. 263 p. (In Russ.)
9. Maiorov, A. P. Slavic language elements in the business language of the 1st half of the 18th century. *Philological Sciences*. 2009;4:29–37. (In Russ.)
10. Preferansov, S. A. Written and spoken lexis in official document of Tsaritsin town council (1784–1799). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2011;1(13):58–64. (In Russ.)
11. Remneva, M. L. Ways of development of the Russian literary language in the XI–XVII centuries. Moscow, 2003. 336 p. (In Russ.)
12. Rusanova, S. V. The verb *blagovolit'* (to favour) in regional memorandums of the XVIII century and in dictionaries (exemplified by Transbaikalian official writing). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2014;3(45):188–189. (In Russ.)
13. Sabenina, A. M. *Stateiniye spiski* (thematic reports) and their significance for the history of the Russian language. *The Russian language. Sources for its study*. Moscow, 1971. P. 59–84. (In Russ.)
14. Semenov, P. A. Problem of classifying stylistic functions of Slavicisms (diachronic aspect). *Vestnik NSU. Humanities*. 1998;4. Available at: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/> (accessed 30.01.2022). (In Russ.)

Received: 21 February, 2022; accepted: 28 April, 2022